

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кудреватых А. Н.

ORCID ID: 0000-0001-6829-850X

Екатеринбург, Россия

E-mail: folkloristica@yandex.ru

УДК 821.161.1-34(Карамзин Н. М.)

DOI: 10.26170 / 2306-7462_2022_01_06

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЕРОЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Н. М. КАРАМЗИНА «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

Аннотация. В статье рассмотрено одно из самых необычных произведений Н. М. Карамзина – «Илья Муромец». Предпринят анализ своеобразия образа героя – Ильи Муромца. Подробно рассмотрены приёмы психологического раскрытия образа главного героя в произведении сентименталиста. Делается вывод, что в «Илье Муромце» преобладает косвенная форма психологизма. Особое внимание уделяется речи героев, их тону голоса, взглядам, мимике, жестам. Также важную роль в раскрытии внутреннего мира Ильи играет и прямая форма психологического анализа: внутренний монолог, авторские комментарии и т.д. В ходе анализа автор приходит к мысли о том, что образ Ильи Муромца не соответствует фольклорным канонам богатыря. Герою произведения Н. М. Карамзина присущи качества, наиболее характерные для сентиментального героя – «чувствительность», «близость к природе» и т.д. Опираясь на фольклорные былинные традиции, Н. М. Карамзин создаёт особый сентименталистский тип «витязя» или «рыцаря».

Ключевые слова: Илья Муромец; русские богатыри; сентиментализм. богатырские сказки; литературные герои; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные сказки; литературные образы.

Kudrevatykh A. N.

Ekaterinburg, Russia

THE SPECIFICS OF THE IMAGE OF THE INNER WORLD OF THE HERO IN THE WORK OF N. M. KARAMZIN “ILYA MUROMETS”

Abstract. The article considers one of the most unusual works of N. M. Karamzin – “Ilya Muromets”. An analysis of the identity of the image of the hero – Ilya Muromets is undertaken. The techniques of psychological disclosure of the image of the main character in the work of the sentimentalist are considered in detail. It is concluded that in “Ilya Muromets” an indirect form of psychologism prevails. Special attention is paid to the speech of the heroes, their tone of voice, views, facial expressions, gestures. A direct form of psychological analysis also plays an important role in revealing Ilya's inner world: an internal monologue, author's comments, etc. During the analysis, the author comes to the idea that the image of Ilya Muromets does not correspond to the folklore canons of the hero. The hero of the work of N. M. Karamzin has the qualities most characteristic of a sentimental hero – “sensitivity”, “proximity to nature”, etc. Relying on folklore epic traditions, N. M. Karamzin creates a special sentimentalist type of “hero” or “knight”.

Keywords: Ilya Muromets; Russian bogatyr; sentimentalism. heroic tales; literary heroes; Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary tales; literary images.

Русские писатели XVIII века стали нередко обращаться к народным источникам при работе над своими произведениями. Сказочно-богатырские поэмы, подчеркивает Н. А. Тархова, «создавались по одному оссиановскому или сентиментально-классическому образцу, как позднее по романтическо-рыцарскому рецепту – сказки и исторические повести вплоть до В. К. Кюхельбекера и Бестужева-Марлинского» [Тархова 1988: 8-9].

Наше внимание привлекла «богатырская сказка» Н. М. Карамзина «Илья Муромец». По мнению исследователей, в поэме присутствуют элементы жанра былины [Щедрин 2018]. Е. Г. Позднякова полагает, что «карамзинский Илья Муромец – это нежный Селадон, но не богатырь, героиня же, “девица красная”, совершенно не похожа на крестьянскую красавицу (“всех любезностей собрание, редкость милых, женских прелестей”))» [Позднякова 2000: 33]. М. К. Азадовский считает, что «неокончен-

ная поэма» «Илья Муромец» «открыла собой целую полосу фольклорно-подражательных произведений...» [Азадовский 1958: 140].

Автор с самого начала произведения говорит о том, что он будет рассказывать «совершенно русскую» сказку. Так он заявляет об опоре на народные традиции. Повествователь в «Илье...» прямо подчеркивает, что он является частью россиян [Позднякова 2000: 31]. Дается и установка на старорусский стиль:

«Нам другие сказки надобны,
Мы другие сказки слушали
От своих покойных мамушек.
Я намерен слогом древности
Рассказать теперь одну из них» [Карамзин 1964: 46].

Однако Е. Г. Позднякова говорит о нетождественности образа Ильи фольклорному прототипу: «“Богатырская сказка” – это всего лишь один из “красных вымыслов” автора, осуществляющего свое право на полную творческую свободу. Народный образ Ильи Муромца приобретает у поэта совершенно другие, новые черты» [Позднякова 2000: 32]. Исследователь обращает внимание на то, что «задачу Н. М. Карамзин видит вовсе не в том, чтобы воссоздать как можно точнее народный образ, а в том, чтобы нарисовать образ, возникший в его фантазии» [Там же: 32].

«Ложь, Неправда, призрак истины!
Будь теперь моей богинею
И цветами луга русского
Убери героя древности,
Величайшего из витязей,
Чудодея Илью Муромца!
Я об нем хочу беседовать,
Об его бессмертных подвигах.
Ложь! с тобою не учиться мне
Небылицы выдавать за быль» [Карамзин 1964: 47-48].

Вот каким предстает герой «богатырской сказки» Н. М. Карамзина:

«Он подобен миру нежному:
Тонок, прям и величав собой.
Взор его быстрее орлиного
И светлее ясна месяца....
Витязь Геснера не читывал,
Но, имея сердце нежное,
Любовался красотою дня» [Карамзин 1964: 48-49].

Богатырь произведения Н. М. Карамзина, отмечает Е. Г. Позднякова, скорее, похож на sentimentalного героя, так же, как и прекрасная богатырша не похожа на типичную русскую девушку [Позднякова 2000: 33].

Вместо «слога древности» в «богатырской сказке» преобладает sentimentalный стиль повествования:

«Улыбнулось все творение;
Воды с блеском заструилися;
Травки, ночью освеженные,
И цветочки благовонные
Растворили воздух утренний
Сладким духом, ароматами» [Карамзин 1964: 48-49].

При этом описание природы соотносится с внутренним состоянием героя. Илья находится в добром расположении духа. Мы видим, что природа явно благоволит витязю. Как и положено sentimentalному герою, Илья показан на лоне «натуры», способен её чувствовать, находиться в гармонии с ней.

«Витязь Геснера не читывал,
но, имея сердце нежное,
любовался красотой дня;
тихим шагом ехал по лугу
и в душе своей чувствительной
жертву утреннюю, чистую,
приносил царю небесному» [Карамзин 1964: 49].

Очевидно, что пейзаж в произведении выполняет психологическую функцию, поскольку описание природы («красота дня») прямо соотносится с состоянием героя, наделённого «сердцем нежным» и «душой... чувствительной». Автор, передавая чувства героя, использует психологический параллелизм:

«Как заря алеет на небе,
Разливаясь в море розовом
Пред восходом солнца красного,
Так румянец на щеках его
Разливался в алом пламени.
Как роса сияет на поле,
Осребренная светилом дня,
Так сердечная чувствительность
В масле глаз его светилася» [Карамзин 1964: 49].

Один из основных приёмов психологизма, использованных в произведении, – портрет. Н. М. Карамзин даёт развёрнутый портрет Ильи Муромца:

«Кто ж сим утром наслаждается?
Кто на статном соловом коне,
черный щит держа в одной руке,
а в другой копые булатное,
едет по лугу, как грозный царь?
На главе его пернатый шлем
с золотою, светлой бляхою;
на бедре его тяжелый меч;
латы, солнцем освещенные,
сыплют искры и огнем горят.
Кто сей витязь, богатырь молодой?
Он подобен маю красному:
розы алые с лилеями
расцветают на лице его.
Он подобен мирту нежному:
тонок, прям и величав собой.
Взор его быстрее орлиного
и светлее ясна месяца.
Кто сей рыцарь? – Илья Муромец» [Карамзин 1964: 49].

В этом же духе даётся описание незнакомки:

«Вы бы вместе с ним увидели –
беспримерную красавицу,
всех любезностей собрание,
редкость милых женских прелестей;
вы бы вместе с ним увидели,
как она приятным, тихим сном
наслаждалась в голубом шатре,
разметавшись на цветной траве;
как ее густые волосы,
светло русые, волнистые,
осеняли белизну лица,
шеи, груди алебастровой
и, свиваясь, развиваясь,
упадали на колена к ней;
как ее рука лилейная,
где все жилки васильковые
были с нежностью означены,
ее голову покоила;
как одежда снега белая,

полотняная, тончайшая,
от дыханья груди полная
трепетала тихим трепетом.
Но не можно в сказке выразить
и не можно написать пером,
чем глаза героя нашего
услаждались на ее челе,
на ее устах малиновых,
на ее бровях возвышенных
и на всем лице красавицы» [Карамзин 1964: 50-51].

Как видим, внешний облик героев отличается от фольклорного канона.

О былинных героях В. Я. Пропп писал: «Суровый и могучий Илья, выдержанный и культурный Добрыня, веселый и находчивый Алеша выражают героические черты русского народа. В них народ изобразил самого себя. При всем их отличии они объединены одним чувством, одним стремлением: они не знают более высокого служения, чем служение своей родине; за нее они всегда готовы отдать свою жизнь» [Пропп 1999: 212]. «Илья всегда мыслится старым, даже в тех случаях, когда эпитета “старый” нет. Его старость есть выражение его мудрости, опытности и спокойной силы. Илью Муромца вообще нельзя представить себе молодым. К нему применяется эпитет “добрый молодец”, но слово “молодец” в этих случаях обозначает не возраст, а удалство и силу» [Там же: 237].

Как правило, былинный герой отличается физической мощью, а карамзинский Илья изящен и нежен. Принципиально важным является то, что фольклорный Илья Муромец предстает всегда самым старшим из богатырей, с седыми волосами. В произведении же Н. М. Карамзина он является молодым. Былинный богатырь раскрывается максимально полно в ратном подвиге, освобождая Русскую землю от врагов. В «Илье Муромце» только указывается на ратные дела героя: «сердце твердое, геройское твердо в битвах и сражениях со врагами добродетели» [Карамзин 1964: 51].

Н. М. Карамзин, наряду с косвенными (портрет, пейзаж), использует и прямые формы психологического анализа, например, внутренние монологи, которые помогают раскрыть душевное состояние Ильи Муромца. Так, герой размышляет о величии белого света, созданного Богом. Он мысленно обращается к Создателю, клянётся защищать слабых от врагов и следовать богатырским заветам. Но самих подвигов ратных, как уже указывалось, мы не видим в произведении. Таким образом, с одной стороны, Илья выступает как богатырь – защитник земли русской, а с другой стороны, он обладает чертами сентиментального героя.

«Ты, который украшаешь всё,
русский бог и бог вселенная!
Ты, который наделяешь нас
всеми благами щедрот своих!
будь всегда моим помощником!
Я клянуся вечно следовать
богатырским предписаниям
и уставам добродетели,
быть защитником невинности,
бедных, сирых и несчастных вдов,
и наказывать мечом своим
злых тиранов и волшебников,
устрашающих сердца людей!» [Карамзин 1964: 49].

В монологе раскрывается благородство и чувствительная душа Ильи. Беспокойство овладевает им:

««Что за чудо! – рыцарь думает, –
я слышал о богатырском сне;
иногда он продолжается
три дни с часом, но не более;
а красавица любезная...»» [Карамзин 1964: 52].

Встреча с неизвестной красавицей производит на него сильное впечатление:

«Сердце твердое, геройское –
твердо в битвах и сражениях
со врагами добродетели
твердо в бедствиях, опасностях;
но не твердо против женских стрел,
мягче воску белоярого
против нежных, милых прелестей.
Витязь знал красавиц множество
в беспредельной Русской области,
но такой еще не видывал» [Карамзин 1964: 51].

Богатырское «сердце твердое, геройское» оказывается на деле очень чувствительным. Красота загадочной богатырши вызывает у него любовные чувства. Приём контраста, который использует Н. М. Карамзин, помогает ярче подчеркнуть твердость и мужество Ильи в борьбе с врагами и чувствительность в общении с женщинами. Здесь мы видим ещё одно важное отличие двух образов Ильи Муромца – былинного и карамзинского. Фольклорный богатырь всегда показан

только в ратном подвиге, а не в любви. Илья в произведении сентименталиста же показан чувствительным, нежным любовником.

«Он боится разбудить ее;
он досадует, что сердце в нем
бьется с частым, сильным трепетом;
он дыхание в груди своей
останавливать старается,
чтобы долее красавицу
беспрепятственно рассматривать.
Но ему опять желается,
чтоб красавица очнулась вдруг;
ему хочется глаза ее –
верно, светлые, любезные –
видеть под бровями черными;
ему хочется внимать ее
гласу тихому, приятному» [Карамзин 1964: 51-52].

С одной стороны, Илья боится побеспокоить сон красавицы и хочет спокойно рассматривать её, а с другой стороны, у него большое желание поскорее узнать её, понять, почему она выбрала судьбу витязя, защитника от врагов.

Важную роль в «богатырской сказке» играет автор-повествователь. Именно он и рассказывает историю о славном рыцаре. Он комментирует переживания героя, рассказывает о тех душевных движениях, которые сам герой не может заметить или в которых не хочет себе признаться. Более того, автор-повествователь, прямо присутствуя в тексте, готов поделиться с читателем и своими переживаниями, соотнося их с теми чувствами, которые охватывают героя:

«О друзья мои любезные!
если б знали вы, что женщины
могут делать с нами, бедными!..
Ах! спросите стариков седых;
ах! спросите самого меня...
и, краснея, вам признаюсь,
что волшебный вид прелестницы –
не хочу теперь назвать ее! –
был мне пищею небесною,
олимпийскою амброзией;
что я рад был целый век не спать,
лишь бы видеть мог жестокою!..
Но боюсь говорить об ней,
и к герою возвращаясь» [Карамзин 1964: 54].

Повествователь включает в свои комментарии размышления о любви, об отношениях мужчины и женщины. Писатель активно использует и косвенные приёмы психологического анализа. Отметим большое количество внешних деталей, при помощи которых автор предлагает читателям догадаться о психологическом состоянии героев. Например:

«Что он думал, мы не скажем вдруг;
но в глазах его задумчивость
точно так изображалась...» [Карамзин 1964: 54].

Нежный взгляд передаёт симпатию к прекрасной богатырше. Вздох богатыря свидетельствует о его чувствительности и зарождающейся симпатии: «как в ручье густое облако; / *томный вздох* из сердца вылетел» [Карамзин 1964: 56]. Особая интонация голоса передаёт взволнованность Ильи, которую он испытывает при виде «незнакомки»: «*тихим и дрожащим голосом* / он красавице отвечает» [Карамзин 1964: 54]. Приёмом психологического анализа является также и изображение позы героев: «Стоя с *видом милой скромности* / пред любезной незнакомкою» [Карамзин 1964: 54].

Смущение героини передаёт румянец и желание прикрыться «доспехами богатырскими». Она осознала, что предстала перед незнакомым мужчиной в неприличном виде:

«Незнакомка *взор потупила* –
закраснелась, как маков цвет,
и взялась рукою белою
за доспехи богатырские» [Карамзин 1964: 54].

Косвенные приёмы психологического анализа показывают через внешние проявления переживания Ильи Муромца и прекрасной богатырши, читатели должны догадываться, какие чувства испытывают герои. Автор использует приём недосказанности, давая читателям возможность самим представить, что происходит в душе героев.

В ходе анализа мы выяснили, что для образа Ильи Муромца в произведении Н. М. Карамзина будут характерны качества, которые присущи героям сентиментализма – чувствительность, близость к природе и т.д. Согласимся с Е. Г. Поздняковой: богатырь произведения Карамзина скорее сентиментальный герой, так же, как и прекрасная богатырша не похожа на типичную русскую девушку [Позднякова 2000: 33]. Образ Ильи Муромца, каким он создан Н. М. Карамзиным, не соответствует канону фольклорного образа былинного богатыря.

В «Илье Муромце» преобладает косвенная форма психологизма. Особое внимание уделяется речи героев, тону их голоса, взглядам, мимике, жестам. Важное значение в раскрытии внутреннего мира героя имеет и прямая форма психологического анализа: внутренний монолог, авторские комментарии. Как видим, сентименталистские принципы создания образов героев обусловили особенности психологизма в «богатырской сказке» Н. М. Карамзина.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958. 477 с.

Берков П., Макогоненко Г. П. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина. // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит.; Л.: Худож. лит., 1964. С. 5-76.

Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит.; Л.: Худож. лит., 1964.

Позднякова Е. Г. Фольклоризм прозы Н. М. Карамзина. диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09, М., 2000. 187 с.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 638 с.

Тархова Н. А. Второе рождение сказки // Литературная сказка пушкинского времени. М.: Правда, 1988. 480 с.

Щедрин И. Л. Память жанра былины в поэме Н. М. Карамзина «Илья Муромец». [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27438636>.

REFERENCES

Azadovskiy M. K. Istoriya russkoy fol'kloristiki. M.: Uchpedgiz, 1958. 477 s.

Berkov P., Makogonenko G. P. Zhizn' i tvorchestvo N. M. Karamzina. // Karamzin N. M. Izbrannyye sochineniya: v 2 t. M.: Khudozh. lit.; L.: Khudozh. lit., 1964. S. 5-76.

Karamzin N. M. Izbrannyye sochineniya: v 2 t. M.: Khudozh. lit.; L.: Khudozh. lit., 1964.

Pozdnyakova E. G. Fol'klorizm prozy N. M. Karamzina. dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.09, M., 2000. 187 s.

Propp V. Ya. Russkiy geroicheskiy epos. M.: Labirint, 1999. 638 s.

Tarkhova N. A. Vtoroe rozhdenie skazki // Literaturnaya skazka pushkinskogo vremeni. M.: Pravda, 1988. 480 s.

Shchedrin I. L. Pamyat' zhanra byliny v poeme N. M. Karamzina «Ilya Muromets». [Elektronnyy resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27438636>.

Данные об авторе

Кудреватых Анастасия Николаевна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет.

E-mail: folkloristica@yandex.ru

Author's information

Kudrevatykh Anastasiya Nikolayevna – candidate of philological sciences, associate professor Department of Literature and Teaching Methods, Ural State Pedagogical University.

E-mail: folkloristica@yandex.ru